

A.V. Makarychev
(Samara)

THE LEGAL CODE OF THE PROSE BY V. SHALAMOV

Abstract: *this article discusses the concept of the legal code of literature in the works of Varlam Shalamov. Through the legal reflection of the author it is established what the camp and its everyday life and the general concept of crime meant for the author.*

Keywords: *Varlam Shalamov, the legal code, the Kolyma tales, reflection, lifetext.*

Д.А. Истомина
(Самара)

«ДОМ, В КОТОРОМ...» МАРИАМ ПЕТРОСЯН КАК КУЛЬТОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Аннотация: *Статья посвящена рассмотрению романа М. Петросян «Дом, в котором...» как культового текста. Автор обращается к значению понятия «культовость», причинам превращения произведения в культовое.*

Ключевые слова: *культовость, культовая литература, популярный писатель.*

Каждый из нас хотя бы раз в жизни сталкивался с произведением, которое поразило. Такие книги нередко приобретают запредельный успех. При их характеристике наравне с традиционными формулами «высокохудожественное произведение», «талантливая вещь» и т.п. всё чаще используется понятие «культовый текст». Возможные причины этого заинтересовали исследователей литературы. Они стараются понять, в каких формах проявляет себя «культ» художественного произведения, когда это явление возникло, что делает тот или иной текст культовым.

Так, в Институте мировой литературы Российской Академии Наук был проведен «Круглый стол» на тему «Литературный культ как феномен современной культуры» [Обсуждение в ИМЛИ 2007]. Литературоведы искали ответы на перечисленные вопросы. Самыми важными из прозвучавших выводов мне представляются следующие: понятие культовой литературы появилось в XX веке. «Культо-

вый» значит «насаждаемый», то есть кем-то сознательно продвинутый в сферу бессознательного. «Культовость», связанная как с коммерциализацией литературы, так и с индивидуальными вкусовыми предпочтениями, действительно сопротивляется строгой научности и категоризации [Куприянов 2017].

Исследователи настаивают на том, что:

1. Культ наделяет свой объект, независимо от его места в традиционном литературном каноне, некой новой символической ценностью (или даже сверхценностью). При этом особый статус получает и читатель.

– «культовый автор» и «звезда» — понятия родственные. Но «звёздность» — помимо механизмов массовой коммуникации, без которых звезды невозможны — предполагает некоторую искусственную сконструированность. Надо, чтобы у звезды была биография: неважно, настоящая или нет. Ее делают менеджеры, промоутеры, еще кто-нибудь [Дубин 2017]. И важно, что в самом характере этой биографии и в образе этого лица конденсируются значимые для данного общества, данного момента, данной культуры достижения.

2. «Культовый автор» и «модный писатель» — не одно и то же. «Модный автор» — кандидат в звезды, как звезда может быть кандидатом в классики (не каждая звезда становится классиком). Модный автор может в конце данного сезона «сойти» и позабыться.

3. Культовый автор, который становится культовым для всей нации в целом, уже классик. Культовый автор и культовый текст остаются таковыми постольку, поскольку этот культ разделяют не все — у него есть ограниченный круг поклонников, которые идентифицируют с ним себя [Обсуждение в ИМЛИ 2007].

Согласно нашим наблюдениям, культовый текст создаёт вокруг себя новые культурные формы, и эти порождения начинают жить своей жизнью. О возникновении культового текста обычно свидетельствует появление его экранизаций и обилие фанатского творчества. Превращение произведения в культовый текст, а творца в культового автора во многом зависит от социального контекста — от условий, в которых это произведение или этот писатель существуют. Например, превращение Высоцкого в культового автора во многом было связано с аурой полузапретности, окружавшей его творчество. Но нас в данном случае интересовало, какими свойствами должен обладать сам текст, чтобы он мог стать культовым явлением.

В ранг культовых могут войти авторы, создавшие даже одну книгу. Нечто подобное и произошло с Мариам Петросян и её «До-

мом, в котором». Несмотря на то, что у писательницы есть другие книги, славу ей принесла именно эта. Текст «Дома...» переведён на многие языки (итальянский, испанский, английский, французский). Это немаловажный факт: известно, что современная русская литература (даже очень хорошая) отличается неконвертируемостью: немногих российских авторов переводят за рубежом, потому что наша проза в основном сосредоточена на внутренних проблемах страны. Но к роману Петросян это, как видим, не относится, — значит, она коснулась важных общечеловеческих проблем. Её роман получил множество наград как в России, так и за рубежом.

Книга рассказывает нам о жизни детей—инвалидов в интернате, где переплетаются привычная реальность и другой, изнаночный мир. Сама Мариам в одном из интервью говорит: «Инвалидность героев — дополнительное условие для усиления их изолированности от мира. Их подростковость относительна. А Дом придумался сам» [Юзефович 2016].

В этом произведении присутствует ряд качеств, возводящих его в разряд культовых текстов. Экзистенциальные вопросы здесь выходят на первый план. Внутри Дома дети размышляют о жизни и смерти, их смысле. Поиск смысла осуществляется из самой невыгодной позиции — с точки зрения отрезанного от всего мира, лишённого обычных возможностей инвалида. Драматические ощущения в Доме сгущаются до предела: героям регулярно приходится выходить из ситуаций, в которых суждено или погибнуть, или найти невероятный способ спасения. Замкнутость пространства создаёт насыщенность событиями и ситуациями. В этом особом краю осуществляются бесконечные переходы из одного состояния в другое, трансформации любого рода. Коридоры после отбоя превращаются в тропки Леса, «домовцы» оказываются оборотнями, надписи на стенах — путеводными картами и объявлениями. Отсутствует окончательная завершённость событий, нет необратимости и непоправимых ситуаций: даже в самый критический момент есть шанс всё переиграть. Дом позволяет прожить сотни жизней, попробовать все доступные варианты жизненного поведения, испробовать на себе все жизненные стратегии. На разных кругах перевоплощений всё становится не случайным, переплетается.

Так, один из героев, Македонский, в наружности — мире вне Дома — существовал как раб собственного дедушки, создавшего секту. Мальчику с паранормальными способностями поклонялись. В то же время дедушка заставлял его сводить веснушки с кожи лимонным соком, голодать, и издевательства довели мальчика до ис-

тошения. После смерти старика Македонский некоторое время жил с родными, не понимающими его дара и в скором времени отказавшимися от него. Так он и появился в Доме. Это место дало ему возможность начать всё с чистого листа. Помогая другим, он нашёл своё место, буквально переродился. Герой практически сделался тенью своих соседей по комнате. Новички в Доме считали его униженным, принимали за слугу, исполняющего чужие прихоти. Но в своей незаметности Македонский обрёл отдых от звёздной роли Ангела внутри секты. Свои способности он пытался направить во благо, забирая у друзей кошмары. Однако долго жить спокойно ему не удалось. Один из мальчиков, Волк, решил эксплуатировать Македонского: потребовал уничтожить одного из обитателей Дома, Слепого, чтобы занять его место вожака. Ангел не опустил до этого. И убил Волка. После этого юношу мучили видения, стыд, желание покончить с собой. Когда его снова находят сектанты, Македонский фантастическим образом превращается в Красного Дракона, разбивает окно и улетает из Дома.

Другим героем, перенёвшим череду трансформаций, является Лорд. Он попал в Дом достаточно взрослым. Раньше он жил в богатой семье, которая решила от него избавляться. Несмотря на неземную внешность, подросток не имел возможности обеспечивать себя самому. Ходить он был не способен. Пока другие ребята ловко ползали и доставали нужные им вещи, Лорд едва двигался. Его злила собственная беспомощность. В какой-то момент он решил обратиться за помощью к Сфинксу. Тот, безрукий, не пользующийся даже протезами, умудрялся делать всё самостоятельно и помогать другим. Это решение стало переломным в жизни Лорда. Тренировки эльфийского принца были похожи на издевательства. Каждый день он должен был висеть на руках. И он падал. Падал. Падал. Сфинкс поднимал его и вешал обратно. Наступал на него, уползающего, не позволяя никуда деться. Уроки Сфинкса очень быстро изменили его. Теперь уже никто не сказал бы, что Лорд рос вне Дома. Его сосед по комнате был поражён: «... *Лорд швырял себя вперед. Сначала забрасывал ноги, потом прыгал за ними на руках. На самом деле, не очень приятное зрелище, а если замедлить, так и вовсе жутковатое*» [Юзефович 2016].

Следующее превращение Лорда произошло после одного из местных коктейлей – «Лунной дороги». Выпив его, он впал в коматозное состояние. Один из «состайников» передал его врачам, и те решили выдворить Лорда из Дома (у него набралось критическое количество предупреждений). Ребятам удалось вернуть его

с помощью ритуала — изображения на стене белого дракона с геральдической лилией, символом юности. К этому времени Лорд изменился: утратил внешнюю красоту, стал более замкнутым и отрешённым. *«Он не меняет свитер, украсившийся кофейным пятном. Роняет свою подушку на пол и не замечает этого, а заметив, не спешит сменить наволочку ... В наружности он оставил вместе с длинными волосами немало других вещей, и я не знаю, радоваться этому или грустить»* [Юзефович 2016].

Снова оживляет Лорда любовь к Рыжей. Именно с ней он уходит после выпуска — самого страшного события для ребят, воспринимаемого словно изгнание в ад — уходит в Изнаночный мир, окончательно став прекрасным эльфом.

Герои много раз принципиально меняются. Это затрагивает каждого. Благодаря этой череде превращений произведение активизирует читателя, заставляет не ждать чудес, а самому добывать их. Создаётся ощущение, что выход из тупика всегда есть. Самые страшные беды преодолимы.

Чудеса здесь заслуженные, а не случайные. Это можно увидеть на примере Сфинкса. В детстве он был очаровательным, хоть и безруким мальчиком, и звали его иначе — Кузнечиком. Но занимавшийся им воспитатель Лось совершил непоправимую ошибку, из-за которой на мальчика ополчились другие дети — попросил ребят помогать Кузнечику. Доброго и ласкового воспитателя обожали все. Боготворили. Дети и сами стали бы опекать новичка, но заступничество «почти что бога» озлобило их, и они из ревности возненавидели «любимчика». Били, всеми силами старались затравить, портили ему вещи, даже дорогие хрупкие протезы. Пройдя сквозь череду унижений, герой обращается к старшекурснику, который обещает ему помочь, начинает тренировать и даёт магический амулет с фигуркой Сфинкса. Постепенно мальчик меняется, становится внимательнее, усидчивее, крепче физически. Начинает разбираться в людях. Магическое вмешательство и перенесённая болезнь делают его другим человеком. Уже никто не признал бы в нём прежнего Кузнечика. Теперь он Сфинкс — «ходок», как здесь называют тех, кто путешествует в другие миры. И его первое путешествие затянулось на долгие годы. Всё это сделало его неуязвимым.

«Дом, в котором» — название, которое в итальянском переводе приобрело новые оттенки: «Дом вне времени», «Дом с остановившимся временем». Это точно отражает отсутствие связи между описанным и какими-либо конкретными историческими событиями, «вневременность» интерната. Это даёт читателю возможность

«вписывать» себя во вселенную романа, не чувствуя хронологического несоответствия. Структура романа позволяет охватить максимум точек зрения, идентифицировать себя с любым героем, от неразумного инвалида до воспитателя, от оборотня до умудрённого многими жизнями странника между мирами. И это тоже увеличивает силу воздействия романа.

Подводя итог, можно сказать, что это произведение делает культовым то, что оно затрагивает вечные проблемы, интуитивно близкие каждому, и так, что не идентифицировать себя с его персонажами невозможно. Каждый из героев показывает нам мир со своей точки зрения. Это позволяет расположить к себе максимум читателей. Дом позволяет ощутить надежду на выход из самого тяжёлого положения. Возникает особое интертекстуальное пространство, в котором буквально хочется жить. И многочисленные поклонники романа «живут», сочиняя собственные продолжения истории, дополняя и расширяя её.

Список литературы

1. Дубин Борис. Классик – звезда – модное имя – культовая фигура: о стратегиях легитимации культурного авторитета. Режим доступа: goo.gl/eD3Pux. (Дата обращения: 12.12.2017).
2. Куприянов Вячеслав. К русской философии языка. Режим доступа: goo.gl/YBYbRW. (Дата обращения: 12.12.2017).
3. Петросян М. Дом, в котором. М.: Livebook/Гаятри, 2009. 960 с.
4. Обсуждение в ИМЛИ. Классик, современный классик, культовый автор, модный писатель... // Иностранная литература, 2007, №5.
5. Юзефович Г. Удивительные приключения рыбы-лоцмана: 150 000 слов о литературе. М.: АСТ, 2016. 415 с.

*D.A. Istomina
(Samara)*

THE GREY HOUSE BY MARIAM PETROSYAN AS A CULT TEXT

***Abstract:** the article is devoted to Mariam Petrosyan's novel «The Gray House» as a cult text. The author of the article adverts to origin of the concept «culticity», to probable reasons for transformation Petrosyan's text into a best-seller.*

***Keywords:** cultic, cult literature, popular writer.*